

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ I.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня

В. И. Головина,

у Владимирской церкви, домъ № 15, кварт. № 3.

1870.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ I.

Годъ первый. ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ, АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ. 1870 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Объ изданіи «Русской Старины»	1	XI. Записки М. И. Глининъ 1804-1854 гг. части I и II	313
II. Военныи быть въ Беломъ Новогородѣ XI—XV ст. Изслѣдованіе А. И. Никитскаго	5	XII. Указы, реескрипты, письма: Петра I, Екатерины I, Анны Ивановны, Ивана Антоновича, Павла I, императрицы Марии Федоровны, импер. Александра I и Николая Павловича. 1705-1826 гг.	389
III. Журналъ генерал-фельдмаршала кн. Ю. Ю. Трубецкаго 1717-1763 гг.	33	XIII. Письма, разсказы и замѣтки относящіяся до государ. дѣтелей: кн. М. М. Щербатова, гр. Аракчеева, кн. М. И. Голенищева—Кутузова—Смоленскаго; гр. П. П. Коновницына, генер. Фуля, А. С. Шишкова, архимандрита Фотія и И. Н. Скобелева, 1789-1826 гг.	478
IV. Записки придв. бригадицкаго Позье 1729-1764 гг. и пис. Пикара 1781 г.	128	XIV. Русские писатели XVIII-го вѣка: Олешикъ въ Днѣтрѣвъ—Маконовъ, изслѣд. М. Н. Лонгинова	541
V. Записки Лагарпіи о воспитаніи в. к. Александра и Константина Павловичъ 1786-1789 гг.	152	XV. Русские писатели XIX-го вѣка: К. Н. Батюшковъ, кн. А. И. Одоевскій, В. К. Кюхельбекеръ, И. А. Крыловъ, А. С. Пушкинъ, Н. А. Полевой и Ф. Ф. Вигель	549
VI. Воспоминанія гр. Коновницына, адмирала Колзакова, А. П. Степанова, сенатора И. Д. Данилова, Н. А. Титова, А. П. Корнильевъ, генер. Н. Г. Смыгунова 1808-1826 гг.	207	XVI. Некрологъ: о М. Я. Морошининъ. (+ 15 апрѣля 1870 г.).	579
VII. Записки М. А. Бестужева: I. Братья Бестужевы. II. Стѣнная азбука въ Петров. крѣпости 1820-1826 гг.	253	XVII. Библ. листокъ рус. истор. книгъ	1-20
VIII. Бунты военныхъ поссланъ, разсказы очевидцевъ: о. И. Пархома и П. Н. Дирина 1831 г.	275		
IX. Записки императора Николая Павловича о Пруссіяхъ дѣлахъ 1848 г.	289		
X. Оборона Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ 1854 г., записки контр-адмирала А. П. Арбузова	298		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Записки А. Т. Болотова 1738-1794 гг. части I—IV., письма 1—47., съ портретомъ и 22-ма рисунками, исполненными авторомъ и гравированными акад. Л. А. Страховскимъ. Быть статьѣ А. П. Арбузова приложенъ планъ Камчатскаго порта въ 1854 г., исполн. въ картогр. завед. А. А. Ильина.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Печатня

В. Н. Головиза,

1870.

былъ наведенъ на извѣстнаго вами графа Віелегорскаго. Находя въ — г. Жеребцова людей, смѣющихся надъ всѣмъ, что ихъ тамъ окружаетъ; людей, которымъ цѣлую не служить даже связь дружества; людей, предающихъ буйству въ часы пиршества и стремящихъся къ наружному между ними возвышенню; я не могъ найти между ними не только никакого разъясненія, но удалился совершенно отъ цѣли, съ которой вступилъ къ нимъ; сдѣлался подобенъ имъ и, переходя изъ степени въ степень, смѣялся съ ними вмѣстѣ игрѣ большихъ дѣтей, — такъ называлъ я мудрую аллегорію, до тѣхъ поръ, пока не сошелся съ графомъ Віелегорскимъ. Онъ, не совсѣмъ оставлять — г. Жеребцова, показалъ дружелюбною своею бесѣдою малый свѣтъ, открывъ слегка аналогію ритуаловъ — внутренней. Тогда обратился я снова къ цѣли своей, которая была и есть въ желаніи узнать самого себя; и если существуетъ во мнѣ натура высокая, если вромѣ наружныхъ органовъ, которые отдѣляютъ меня отъ скота, есть во мнѣ существо, могущее приблизиться къ Творцу моему, то узнать связь этой высокой природы моей съ низкою, чтобы взять на себя трудъ усовершенствовать себя — вотъ для чего вступилъ я въ извѣстное вамъ общество, и что намѣренъ быть дѣлать тамъ. Теперь милостивое ваше ко мнѣ обращеніе и благодѣтельное желаніе руководствовать мною, заставляютъ меня открыть себя вамъ, чтобы удобнѣе могли располагать мою работою и показать, какимъ образомъ могу употреблять тотъ ключъ, который я получилъ не умѣя его употреблять. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. А. Степановъ.

Сообщ. П. А. Степановъ.

ВОСПОМИНАНИЯ А. П. КЕРНЪ.

Три встречи съ императоромъ Александромъ Павловичемъ.

1817 — 1820 гг.

I.

Теперь, когда я почти ослѣпла и мнѣ прочли чрезвычайно замѣчательное произведеніе графа Л. Н. Толстаго: «Война и Миръ», гдѣ, между прочимъ, говорится о страстномъ, благого-

въйномъ чувствѣ, ощущавшемся всѣми молодыми людьми къ императору Александру Павловичу, въ началѣ его царствованія, мнѣ такъ ясно, такъ живо, такъ упоительно представилась та эпоха, и воротились тѣ живыя, никогда незабываемыя мною воспоминанія, о которыхъ мнѣ захотѣлось разсказать.

Расскажу первую — незабвенную встречу мою съ императоромъ Александромъ Павловичемъ въ 1817-мъ году. Въ Полтавѣ готовился смотръ корпуса г-на Сакена, въ которомъ мужъ мой, Кернъ, служилъ дивизионнымъ командиромъ. Немного прибита на цвѣту — какъ говорятъ въ Малоросіи — необыкновенно робкая, выданная замужъ и слишкомъ рано, и слишкомъ неразборчиво, я привезена была въ Полтаву. Тутъ меня повезли на смотръ и на балъ, гдѣ я увидѣла императора.

У меня была подруга еще моложе меня и вышедшая замужъ, тоже за генерала, старѣе гораздо ее, но образованнаго, пріятнаго и очень умнаго человѣка, который умѣлъ съ нею обращаться, — и мы съ нею вмѣстѣ ъздили на смотръ и вмѣстѣ стояли на этомъ балѣ, противъ группы, гдѣ стоялъ императоръ, Сакенъ и его *éstat-major*.

Я находила, что эта моя подруга гораздо лучше меня одѣта: на ней была куафюра съ перомъ, очень украшавшая ея молодое, почти дѣтское личико и она мнѣ сказала, что мужъ выписалъ ей эту куафюру потому, что государь любилъ подобный головной уборъ безъ другихъ украшеній. Какъ мнѣ досаденъ сдѣлся мой голубой съ серебряными листьями цвѣтокъ.

Сакенъ былъ со мною знакомъ проѣздомъ черезъ Лубны, гдѣ я жила у отца до замужества, останавливался у насъ въ домѣ и весьма благоволилъ ко мнѣ.

Его позволеніе Керну на мнѣ жениться было какое-то нѣжное поздравленіе близкаго родственника, болѣе чѣмъ начальника.

Онъ и указалъ государю на меня и сказалъ ему кто я.

Императоръ имѣлъ обыкновеніе пропустить нѣсколько паръ въ польскомъ прежде себя и потомъ, взявъ даму, идти за другими. Эта тонкая разборчивость, только ему одному сродная, и весь онъ, съ его обаятельною граціею и неизъяснимою добротою, — невозможными ни для какого другого смертнаго, даже для другого цара, восхитили меня, ободрили, воодушевили и робость моя исчезла совершенно. Не смѣя ни съ кѣмъ говорить

доселъ, я съ нимъ заговорила какъ съ давнишнимъ другомъ и обожаемымъ отцемъ! Онъ заговорилъ и я была на седьмомъ небѣ, и отъ ласковости этихъ рѣчей, и отъ снисходительности въ моимъ дѣтскимъ понятіямъ и взглядамъ!

Онъ говорилъ о мужѣ моемъ, между прочимъ: «*C'est un brave soldat!*» (храбрый воинъ) это тогда такъ занимало ихъ! Потомъ сказалъ: «*Venez à Pétersbourg chez moi*» (приѣзжайте въ Петербургъ ко мнѣ). Я съ величайшею наивностью сказала, что это невозможно, что мой мужъ на службѣ. Онъ улыбнулся и сказалъ очень серьезно: «*Il peut prendre un semestre*» (онъ можетъ взять отпускъ). На это я такъ расхрабрилась, что сказала ему: «*Venez plutôt à Loubny!* *C'est si beau Loubny!*» (Приѣзжайте лучше въ Лубны, государь, Лубны такая прелестъ!). Онъ опять засмѣялся и сказалъ: «*Je viendrai, absolument, je viendrai!*» (Я непремѣнно приѣду!).

Я возвратилась домой такая счастливая и восторженная, рассказала мужу весь разговоръ съ царемъ и умоляла устроить мнѣ возможность еще разъ взглянуть на него, чтобъ онъ и исполнилъ.

Я проѣхала къ обѣдни въ маленькую полковую церковь, разбитую шатромъ на полѣ Полтавской битвы, у дубоваго лѣска, и опять имѣла счастіе его увидѣть, имѣ любоваться и получить сперва серьезный поклонъ, потомъ, уходя, ласковый, улыбающійся.

По городу ходили слухи, вѣроятно несправедливые, что будто императоръ спрашивалъ гдѣ наша квартира и, хотѣль сдѣлать визитъ... Потомъ много толковали, что онъ сказалъ, что я похожа на прусскую королеву. На основаніи этихъ слуховъ губернаторъ Тутолминъ, очень ограниченный человѣкъ, даже поздравилъ Керна, на что тотъ съ удивительнымъ благородствомъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ съ чѣмъ тутъ поздравлять? Сходство съ королевой было въ самомъ дѣлѣ, потому что въ Петербургѣ одинъ офицеръ, бывшій камеръ-пажемъ во дворцѣ при приѣздѣ королевы, это говорилъ моей теткѣ, когда меня увидѣлъ. Можетъ быть это сходство повлияло на расположение императора къ такой неловкой и робкой тогда провинціалкѣ!

II.

Многія восхищались въ то время кто Сухозанетомъ, который былъ тогда очень молодымъ генераломъ, кто графомъ Орловымъ, генераль-адъютантомъ.

Я никого не замѣчала, ни на кого не смотрѣла: развѣ можно смотрѣть по сторонамъ, когда чувствуешь присутствіе божества, когда молятся?

Это были только мужчины: красивые-ли, не красивые — мнѣ было все равно. А онъ былъ выше всего! Я не была влюблена... я благоговѣла, я поклонялась ему!... Этого чувства я не промѣняла-бы ни на какія другія, потому-что оно было вполнѣ духовно и эстетично. Въ немъ не было ни задней мысли о томъ, чтобы получить милость посредствомъ благосклоннаго вниманія царя — ничего, ничего подобнаго... Все любовь чистая, безкорыстная, довольная сама собой.

Если-бы мнѣ кто сказалъ тогда: «этотъ человѣкъ, передъ которымъ ты молишься и благоговѣшь, полюбилъ тебя какъ простой смертный» — я-бы съ ожесточеніемъ отвергла такую мысль и только-бы желала смотрѣть на него, удивляться ему, поклоняться какъ высшему обожаемому существу!...

Это счастіе, съ которымъ никакое другое не могло для меня сравниться!

III.

А что говорили мнѣ всѣ окружающіе царя, танцуя со мною, право не помню, и не смотрѣла я на нихъ, и не слушала ихъ. Они всѣ толковали о прелестной музѣ Болугянскаго оркестра, и дѣйствительно она была обворожительна; царь тоже ею восхищался.

Возвратясь, послѣ смотра, домой въ Лубны, я предалась мечтаніямъ ожидающаго меня чувства матери, о которомъ пламенно молилась и желала. Тутъ примѣшивалась теперь надежда, позже осуществившаяся, что императоръ будетъ воспріемникомъ моего ребенка!

Еще до этого событія мнѣ удалось сдѣлать путешествіе въ Киевъ въ сообществѣ моей матери, и я тамъ имѣла счастіе вмѣ-

стѣ съ нею постыдить безшодобное семейство Раевскихъ. Впечатлѣніе незабвенное и вполнѣ эстетическое. Николай Николаевич Раевскій представилъ женѣ своей моего мужа, назвавъ его: «mon frère d'armes» (мой братъ по оружію). Она сейчасъ приняла меня подъ свое покровительство, приголубила и познакомила со всѣми дочерьми своими. Старшая, полная граціи и привлекательности, сама меня приласкала. Это красавица Нина, о которой потомъ вспоминалъ Пушкинъ. Меньшая была Марія, кроткая брюнетка, вышедшая потомъ за Волконскаго.

Я многихъ тамъ увидѣла, съ которыми потомъ довелось встрѣтиться въ свѣтѣ: и Дубельть и М-те Фр — ъ, на которую такъ все бы и хотѣлось смотрѣть! Кіевъ самъ мнѣ представился въ обворожительномъ видѣ: мы подѣжали къ нему въ ясный ноябрьскій вечеръ — теплый и солнечный, когда закатъ позащалъ главы церквей его. Ничего не могло быть восхитительнѣе.

Вскорѣ мы возвратились домой, гдѣ я, выздоравливая послѣ долгихъ страданій, сопровождавшихъ мое новое званіе матери, узнала во-первыхъ, что императоръ вспомнилъ обо мнѣ и хвалилъ меня въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ теткѣ моей Мертваго, которая представлялась императрицѣ Маріи Федоровнѣ въ ея кабинетѣ, куда онъ нечаянно вошелъ. Онъ сказалъ теткѣ, что имѣлъ удовольствіе со мною познакомиться и прибавилъ: «*Elle est charmante, charmante votre nièce*». Какое вниманіе и какая память!

Потомъ тою же весною мужъ мой Кернъ попалъ въ опалу, вслѣдствіе своей заносчивости въ обращеніи съ Сакеномъ.

Я забыла сказать, что немедленно послѣ смотра въ Полтавѣ господинъ Кернъ былъ взысканъ монаршею милостью: государь ему прислалъ пятьдесятъ тысячъ за манёвры.

Надобно сказать, что Сакенъ, поближе узнавъ Керна, не очень благоволилъ къ нему и зная нашу интимную жизнь, не слишкомъ его уважалъ.

Слѣдующій затѣмъ смотрѣ долженъ быть быть въ Вознесенскѣ. Керну захотѣлось туда пойхать, чтобы лично поблагодарить царя за его милость; — и онъ просилъ позволенія на то у корпуснаго своего командира Сакена. Сакенъ былъ имъ за что-то недоволенъ и сказалъ, что отпускъ ему теперь не можетъ разрѣшить. Наставивать было нѣчего. Кернъ раскланялся,

да не долго думая, взялъ и поѣхалъ въ Вознесенскъ и безъ позволенія. Этого еще мало, — кромѣ такого преступленія противъ субординаціи, онъ, на одной изъ послѣднихъ станцій передъ Вознесенскомъ, — найдя Савена слящимъ, обогналъ его, взявъ приготовленныхъ ему лошадей. Старикъ справедливо возмутился и, при представлении генераловъ царю, на него пожаловался императору, и царю его вовсе не представиль, а на другой же день въ приказѣ стояло: «генералу Керну состоять по армії!» Съ этимъ извѣстіемъ Кернъ воротился къ намъ и тотчасъ же рѣшилъ поѣхать въ Петербургъ просить о службѣ. Поѣхалъ, но не былъ допущенъ къ царю, и князь Петръ Михайловичъ Волконскій велѣлъ ему сказать, что царь не можетъ его принять и что онъ самъ лучше знаетъ за чѣмъ.

Это все передала отцу моему, бывшему тогда въ Петербургѣ, его сестра Оленина, которая просила князя Волконского за моего мужа, какъ за своего родственника. Не скажу, чтобы это меня особенно огорчило. Отсутствіе мужа такъ благодатно на меня дѣйствовало, что я забывала и о его службѣ и о смотрахъ, и о своемъ блескѣ, въ который на минуту окунулась.... Я жила при матери, которую обожала, и кормила свою дѣвочку.

Зимою старшіе рѣшили, что намъ не худо пройхаться въ глубину Россіи и повидаться съ родными. Мы поѣхали сперва въ Липецкъ, гдѣ жилъ братъ моего мужа, потомъ въ Москву къ теткамъ Мертваго и Полторацкой, женѣ Дмитрия Марковича Полторацкаго, только-что умершаго моего крестнаго отца и лучшаго изъ людей.

Приѣхавъ въ Грузино къ старой и страшной бабушкѣ моей Агаф. Ал—нѣ Полторацкой, мы узнали, что отецъ мой въ Петербургѣ и зоветъ туда Керна еще попытаться какъ-нибудь у царя. Онъ звалъ его одного и я была-бы очень рада неѣхать, но бабушка рѣшила, что жена не должна оставаться безъ мужа, и мы поѣхали. Это все клоню я къ тому, что это привело ко второй моей встрѣчѣ съ императоромъ, хотя на мгновеніе, но не безъ слѣда. Императоръ, какъ всѣ знаютъ, имѣлъ обыкновеніе ходить по Фонтанкѣ по утрамъ. Его часы всѣмъ были извѣстны и Кернъ меня посыпалъ туда съ своимъ племянникомъ изъ пажей. Минѣ это весьма не нравилось и я мерзла и ходила

досадуя и на себя, и на эту настойчивость Керна. Какъ нарочно мы царя ни разу не встрѣчали.

Когда это безплодное гулянье мнѣ надоѣло, я сказала, что не пойду больше,— и не пошла. За то случай мнѣ доставилъ мелькомъ это счастіе: я ѿхала въ каретѣ довольно тихо черезъ Полицейскій мостъ, вдругъ увидѣла царя почти у самаго окна кареты, которое я успѣла опустить, низко и глубоко ему поклониться и получить поклонъ и улыбку, доказавшія, что онъ меня узналъ.

Черезъ нѣсколько дней Керну, бывшему дивизіонному командину, князь Волконскій, отъ имени царя предложилъ бригаду, стоявшую въ Дерптѣ. Мужъ согласился, сказавъ, что не только бригаду, роту готовъ принять въ службѣ царя.

IV.

Въ этотъ мой приѣздъ въ Петербургъ, я встрѣтила Пушкина въ домѣ тетки моей Олениной. Отецъ меня представилъ Крылову, Гнѣдичу и я видѣла Карамзина съ его гордой, даже надменной супругой. Нѣкто сказалъ, когда вошелъ Карамзинъ и жена его въ залу, гдѣ розыгryвались шарады: «*Oui, c'est là m-me Карамзинъ, on le voit à sa morgue!*» Больше я ихъ не видала: она была первою любовью Пушкина. Всѣ знаютъ, что онъ пожелалъ получить ея благословеніе передъ смертью. Я думаю, онъ никакого истинно не любилъ, кромѣ ияни своей и потомъ сестры. Въ этотъ же приѣздъ мой въ Петербургъ, когда разрѣшили балы послѣ смерти Екатерины Павловны, любимой сестры императора,— я была представлена — мою бабушкою Муравьевою, госпожѣ Афросимовой, такъ вѣрно списанной графомъ Л. Н. Толстымъ. Представленіе было успѣшно: я имѣла счастье ей понравиться. Встрѣтивъ Пасху у родныхъ въ Тверской губерніи, мы направились къ новому назначенію моего мужа въ Дерптъ. Этотъ милый Дерптъ всегда мнѣ будетъ памятенъ. Мнѣ тамъ было хорошо.

Ко мнѣ туда приѣхали дорогія гости: тетка и многолюбимая сестра Анна Николаевна Вульфъ, которая приѣхала лѣтомъ и осталась у меня гостить до зимы. Мы такъ много читали, много гуляли, выходили и выѣзжали всегда вмѣстѣ. Кернъ лечился — я тоже брала ванны и лечилась понемногу.

Знакомство наше было не многочисленное, но такое, какъ лучше нельзя пожелать. Дѣвицы Фурманъ, изъ которыхъ одна долго жила у моей тетки Олениной.... Онъ меня познакомили съ Моѣръ и матерью ея Протасовой.

М-те Моѣръ, ангель во плоти, первая любовь Жуковскаго и его муга, подружилась съ нами и мы почти каждый день видѣлись. У нея не было тогда дѣтей, хотя она страстно ихъ желала. Между ними не было страстной любви, только взаимное уваженіе. Она любила прежде Жуковскаго—и любовь эта, чистая и высокая, кажется не угасала никогда. Впослѣдствіи Богъ далъ ей желанное дитя и я его видѣла черезъ нѣсколько лѣтъ подъ бабушки ея, грустной, осиротѣлой матери....

Марія Андреевна умерла, кажется, послѣ родовъ.

Никогда не забуду времени, проведенного съ нею и у нея въ ея маленькомъ садикѣ, или въ ея уютной гостиной, слушая музыку:—она съ мужемъ играла очень хорошо на фортепіано въ четыре руки, оба близорукіе и въ очкахъ;—или осеню сидящую на маленькомъ стулѣ, гдѣ-нибудь за дверью и убаюкивающею дитя, взятое у родныхъ мужа, которое баловала изо всѣхъ силъ.

Немудрено, что я уже никакда не хотѣла изъ такой эстетической среды. Но мнѣ повелѣлиѣхать на маневры въ Ригу и я, скрѣпя сердце, побѣхала въ сопровожденіи милой сестры, ободрявшей меня своей любовью и ласками.

Насъ посыпалъ иногда дивизіонный нашъ командиръ, генераль Лаптевъ,—весьма суровая и непривлекательная личность,—принявшій сначала мужа весьма неблагосклонно, потомъ сдѣлавшійся намъ пріятелемъ и даже доброжелателемъ такъ, что когда по командѣ присланъ былъ мнѣ великолѣпный фермуаръ, подарокъ кума-императора, то онъ привезъ мнѣ его самъ и выразился весьма фигурамъ—о сіяніи отъ брильянтовъ около фермуара.... Не припомню хорошенъко выраженія; но тутъ былъ очень тонкій комплиментъ моей красотѣ.

Увы! я не долго пользовалась этимъ дорогимъ украшеніемъ.

Мнѣ говорили, что этотъ фермуаръ былъ сдѣланъ на заказъ въ Варшавѣ и стоилъ шесть тысячъ ассигнаціями.

У насъ бывалъ тоже генералъ Кайсаровъ. Онъ очень заботился о возстановленіи Керна въ прежнихъ его правахъ, и ух-

живалъ за мною. Я его не любила за то, что онъ мнѣ казался фальшивъ, умѣя угождать Керну и еще за то, что былъ красивъ собою, а я не любила писанныхъ красавцевъ, какимъ онъ былъ, самонадѣянъ и —генераль въ худшемъ значеніи этого слова.

Мы перѣѣзжали изъ города въ городъ, поджидая и осматривая полки нашей бригады. Кернъ юздила то провожать ихъ, то встрѣчать; а мы съ Анной Николаевной жили въ маленькомъ городкѣ Валкѣ, въ весьма поэтическомъ домикѣ съ садикомъ, при выѣздѣ изъ города.

Мы долго тутъ еще жили: до начала маневровъ и приѣзда государя.

Очень было весело и даже шумно. У хозяйки было нѣсколько сестер и мужъ, хотя пожилой, но безъ селадонныхъ нѣжностей и ухаживаній за молодою, хорошенькою женою.... Онъ былъ очень важенъ и серьезенъ.

Они наскъ однажды позвали обѣдать и меня очень удивило меню обѣда: было одно большое блюдо рябчиковъ, весьма вкусно приготовленныхъ въ соусѣ — и потомъ — вафли — сыръ и десертъ. Блюда подавали по два раза; но только всего два и никогда больше.

Однажды вечеромъ, въ сумеркахъ, прибѣгааетъ Кайсаровъ съ озабоченнымъ видомъ: онъ не зналъ, что мы здѣсь и долго наскъ искаль.

«*Je vous cherche partout*», сказалъ онъ, «мнѣ нужно съ вами поговорить».

— «Что такое?»

«Не хотите-ли написать письмо къ Сакену? Я слышалъ, онъ хорошо къ вамъ расположенъ».

— «Охотно!» отвѣчала я ему, сѣла и написала.... Въ этомъ письмѣ я просила его забыть его неудовольствія къ мужу и проч. Письмо Кайсаровъ самъ взялся доставить и удалился.

На другой день былъ какой-то смотръ еще до царя — репетиція.

Я туда поѣхала съ сестрою и нѣсколькими знакомыми дамами.

Я замѣчаю, что, невѣдомо себѣ, я въ своемъ разсказѣ отдаляю замѣчательную, не только знаменательную, дорогую для меня — послѣднюю встрѣчу съ императоромъ! Продолжаю. Моя

карета стояла на весьма почтительномъ отдаленіи отъ мѣста дѣйствія, такъ что я весьма удивилась, когда нѣсколько всадниковъ отдѣлились отъ группы генераловъ и всего état-major,— и направились въ мою сторону, имѣя во главѣ своей, тогда еще бѣлого какъ снѣгъ, главнокомандующаго Сакена. Они подъѣхали къ каретѣ и Сакенъ протянулъ мнѣ руку въ открытое окно кареты и осыпалъ меня привѣтствіями и любезностями, поцѣловавъ мою руку и сказалъ на прощанье: «*Soyez tranquille, ma chère Anna Petrovna, je ferai pour vous tout ce qui sera en mon pouvoir.*» (Будьте покойны, моя милая Анна Петровна, я сдѣлаю для васъ все, что отъ меня будетъ зависѣть).

Мнѣ сдѣлалось такъ отрадно и весело, что я просила моихъ дамъ уѣхать, чтобы дома подумать о лестномъ обѣщаніи въ ожиданіи бала. Я обѣщала имъ повезти ихъ на настоящій смотръ и маневры.

Въ этотъ-же день приѣхалъ императоръ и обѣдалъ со свитою главнокомандующаго и прочими генералами у дворянства.

Вечеромъ приготовили балъ въ залѣ собранія.

Мы съ сестрою перѣѣхали въ городской домъ нашихъ хозяевъ и провели весь день тихо и мирно вдвоеемъ. Кернъ обѣдалъ тамъ-же и возвратился довольно поздно въ очень радостномъ расположеніи духа, и началъ меня, всегда лѣнившую, торопить туалетомъ, говоря, что я и то опоздала, что не хорошо приѣхать на балъ позже императора. При этомъ рассказалъ утѣшительное извѣстіе о своемъ свиданіи съ царемъ и нѣкотораго рода примиреніи.

«За обѣдомъ, сказалъ онъ, императоръ не говорилъ со мною, но по временамъ смотрѣлъ на меня. Я былъ ни живъ, ни мертвъ, думая, что все еще состою подъ гнѣвомъ его! Послѣ обѣда началъ онъ подходить то къ тому, то къ другому — и вдругъ подошелъ ко мнѣ! «Здравствуйте! жена ваша здѣсь? Она будетъ на балѣ, надѣюсь?»

На это Кернъ, натурально, заявилъ свою горячую признательность за вниманіе, сказалъ, что я непремѣнно буду и приѣхать меня торопить.

Я всегда имѣла странную особенность: какъ-бы ни желала куда-нибудьѣхать, особенно на балы,—которые я очень любила, когда настанетъ минута отправляться, меня одолѣвала робость

и нежелание двинуться, такъ, казалось бы, хорошо было оставаться дома.

Но нечего дѣлать, мы съ сестрою начали одѣваться; я позаботилась и о ея туалетѣ. О своемъ-же мнѣ никогда не нужно было заботиться, мнѣ было заранѣе выписано изъ Петербурга платье—тулевое на атласѣ и головной уборъ; маленькая корона изъ пашотника съ его воображаемыми цветами. Это было очень удобно для меня или моей лѣни и неумѣнья наряжаться. Я только заплела свою длинную косу и положила пашотниковую коронку, закинувъ длинные локоны за ухо, и прикрыла царскій фермуаръ, какъ вошель мужъ, и мы втроемъ поѣхали...

Можно сказать, что въ этотъ вечеръ я имѣла вполнѣ успѣхъ, какой когда-либо встрѣчала въ свѣтѣ!

Мы вошли. Царя еще не было. Слава Богу. Зала была полна; но я замѣтила, не доходя до конца этой длинной овальной залы, на которомъ сидѣли почетныя дамы, маркизу Паулучи (первую жену маркиза), больную и весьма несчастную на видъ, и другія важныя лица, и чтобы не заходить далеко и высоко, мы помѣстились съ сестрою около менѣе важныхъ дамъ въ угловѣ, у печки... На серединѣ комнаты стояли мужчины изъ свиты императора и важнѣйшія лица, какъ напримѣръ маркизъ Паулучи и проч.

Пока императоръ не приѣхалъ, музыка не играла, слышать было только сдержанній говоръ ожидавшихъ его...

Сакенъ меня замѣтилъ и, подойдя, вывелъ почти на середину залы, гдѣ остановился и осыпалъ меня комплиментами и просилъ снять длинную перчатку, чтобы разцѣлововать мнѣ руку; я очень сконфузилась, разумѣется, оробѣла, неловко раскланялась съ нимъ и воротилась въ свой уголочекъ.

Я обѣ этомъ распространяюсь потому, что много лѣть спустя, когда я была въ Ригѣ, мнѣ напоминали иѣкоторые знакомые о моей робости и скромности, очень нравившимися во мнѣ всѣмъ...

Кернъ подвелъ меня къ маркизѣ;—ему, кажется, хотѣлось, чтобы она меня усадила подлѣ себя; но я, раскланявшись, — удалилась опять въ свой уголъ—и благо мнѣ было!

Скоро вошелъ императоръ, грянула музыка съ хоръ и я-то Сеси,—ожидавшая тамъ,—своимъ громкимъ голосомъ пропѣла ему хвалебный гимнъ. Онъ кончался припѣтомъ:

«Viva, Alexander, viva!
«L'onor di nostra Eta».

Никогда я столько не восхищалась походкой императора, ему одному свойственной! Онъ не ступалъ по залѣ, а какъ будто несся на облакахъ—спросите у очевидцевъ—всѣ это скажутъ. Въ этой походкѣ примѣнивалась робость въ неописанной грації. Онъ вошелъ, остановился, выслушалъ гимнъ г-жи Сеси съ благосклонной улыбкой, прошелъ нѣсколько далѣе и, по странной, счастливой случайности, остановился прямо противъ меня и очень близко,—потому что толпа въ срединѣ такъ была велика и пространство между єю и дамами, сидѣвшими вокругъ залы, было такъ мало, что нужно было только сдѣлать одинъ шагъ и протянуть руку, чтобы аганжировать даму. Маркизъ Паулучи сдѣлалъ списокъ дамамъ, который и прочиталъ императору... Ему, кажется, хотѣлось, чтобы императоръ соблюль въ танцахъ чинопочитаніе; но императоръ обратился, не дослушавъ списка, къ его супругѣ въ перьяхъ, которой нѣсколько разъ почти дѣжалось дурно отъ страха: она боялась, какъ огня, своего мужа; потомъ императоръ взялъ въ польскій свою хозяйку, англичанку, жену негоціанта.

Потомъ увидаль меня, свое скромное *vis-à-vis*, — и быстро протянулъ руку. Начались обычные комплименты, а потомъ сердечное выраженіе радости меня видѣть — и распросы о моемъ здоровыи. Я сказала, что долго хворала и что теперь надѣюсь полнаго выздоровленія отъ чувства счастія по случаю возвращенія его благосклонности къ моему мужу. Онъ вспомнилъ, что мелькомъ меня видѣль въ Петербургѣ и прибавилъ: «Vous savez pourquoи cela n'a pu être autrement».

Я уже и не знаю, что онъ хотѣлъ этимъ сказать. Не потому ли только не встрѣчался и не разговаривалъ со мною, что все еще гнѣвался на Керна?...

Первые пары нась, по обычаю польского, разлучили; потомъ онъ еще разъ меня взялъ и продолжалъ начатый разговоръ. Онъ сказалъ, что помнить, какъ мы молились въ Полтавѣ *«dans cette petite église, si vous vous souvenez?»*

Я сказала, что такихъ минуты не забываются. А онъ замѣтилъ: *«J'aurai jamais je ne n'oublierai le premier moment où je vous ai vu!»* (Никогда не забуду первую минуту, когда я васъ увидалъ!)

Далъе добавилъ: «*Dites-moi, desirez-vous quelque chose? Не могу ли я вамъ быть полезен?*»

Я отвѣчала, что по возвращенію его благосклоннаго прощенія моему мужу, мнѣ нѣчего больше желать и я этимъ совершенно счастлива. Опять перервали польскій и въ третій разъ онъ меня взялъ, чтобы опять спросить: не нужно ли мнѣ чѣд отъ него, и сказалъ эти незабвенные для меня слова: «*Je veux que vous soyez dans l'aisance!*» (Я хочу, чтобы вы были въ довольствї!) и съ нѣжною добротою проговорилъ: «*Adressez-vous à moi comme à un r ge.*» (Обращайтесь ко мнѣ, какъ къ родному отцу)!

Послѣ этого спросилъ еще: «буду ли я завтра на маневрахъ». Я отвѣчала, что непремѣнно буду, хотя вовсе этого прежде не желала, боясь до смерти шума и стрѣльбы.

Немного погодя Кайсаровъ подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ: *J'esp re que vous devez  tre contente de votre soir e?* (Кажется вы должны быть довольны этимъ вечеромъ?).

V.

Маневры сорока-тысячнаго корпуса были за Двиной по ту сторону Московскаго форштадта, на огромномъ полѣ. Въ концѣ этого поля сооружена была весьма красивая галлерея, обвитая зеленью,— совсѣмъ сквозная: на сторонѣ ея, обращенной къ полю, былъ балконъ, съ котораго дамы смотрѣли на маневры,— а когда все кончилось—и въ нижней части галлереи накрыли столъ и всѣ сѣхались съ маневровъ обѣдать, то дамы, обратившись назадъ къ балюстрадѣ, могли видѣть обѣдающихъ

Случай доставилъ мнѣ място прямо надъ верхнимъ концомъ стола.

Императоръ шелъ очень тихо и граціозно, все пропуская передъ собою старика Сажена, потомъ посадилъ его на первое място въ концѣ стола, по правую свою сторону.

Когда они усѣлись, заиграла музыка, очень хорошая, одного изъ нашихъ морскихъ полковъ,—и заиграла любимыя мои арии вмѣсто увертюръ..,

Формалистъ Лаптевъ, дивизіонный командиръ, весьма взволновался этимъ, особенно когда они заиграли прелестный русскій мотивъ съ вариаціями:

„Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту...“

Императоръ, разумѣется, не обращалъ на это никакого вниманія. Онъ въ это время просилъ, дѣлая знаки рукой, чтобы не отталкивали бѣдную, очень старую женщину, которая все еще двигалась впередъ, чтобы лучше на него посмотретьъ!

Междуда тѣмъ Сакенъ взглянуль кверху и привѣтливо мнѣ поклонился. Это было такъ близко надъ ихъ головами, что я слышала, какъ императоръ спросилъ у него: «Qui saluez vous, général?» (кому вы это кланяетесь, генералъ?)

Онъ отвѣчалъ: «C'est m-me Kern?»

Тогда императоръ посмотрѣлъ на верхъ, и въ свою очередь ласково мнѣ поклонился. Онъ нѣсколько разъ смотрѣлъ потомъ на верхъ. Я любовалась всѣми его движеніями и въ особенности манерой рѣзать бѣлый хлѣбъ своею бѣлою прекрасной рукой.

Но—всему бываетъ конецъ—и этому счастливому созерцанію моему настала минута—послѣдняя! Я и не думала тогда, что она будетъ самая послѣдняя для меня....

Вставая изъ-за стола, императоръ поклонился всѣмъ—и я имѣла счастье убѣдиться, что онъ, раскланившись со всѣми и со всѣмъ уже уходя, взглянуль къ намъ на верхъ и мнѣ поклонился въ особенности. Это былъ его послѣдній поклонъ для меня... До меня дошло потомъ, что Сакенъ говорилъ съ императоромъ о моемъ мужѣ и замѣтилъ, между прочимъ: «Государь, мнѣ ее жаль!»

Онъ ушелъ—другое засуетились и блестательная толпа скрыла государя отъ меня на вѣки.

Примѣчаніе. Приведенный разсказъ сообщенъ намъ, по порученію ея составительницы, Анны Петровны Марковой-Виноградской, въ первомъ замужествѣ генеральши Кернъ, рожденной Полторацкой. Госпожа Кернъ была предметомъ любви Пушкина, и этой страсти русская литература обезана нѣсколькими прелестными стихотвореніями, таковы: „Я помню чудное мгновеніе“, „Я ѿхалъ къ вамъ, живые сны“ и нѣк. др. Въ IV книгѣ Библіотеки для Чтенія за 1859 г. помещена чрезвычайно интересная статья А. П. Кернъ „Воспоминанія о Пушкинѣ“; въ ней приведено нѣсколько документовъ, а именно французскихъ писемъ Пушкина къ предмету его пылкаго увлеченія. Жаль только, что письма эти приведены въ отрывкахъ; мы убѣдительно просимъ обладательницу ихъ сообщить эти документы цѣлымъ: для нихъ настала, надѣемся, старина и они, казалось, могли бы быть напечатаны на страницахъ нашего изданія.

Въ статьяхъ, принадлежащихъ пишущему эти строки: „Прогулка въ Тригорское“ (напечатаны въ С.-Петерб. Вѣд. 1866 г. № 139,

146, 157, 164, 168 и 176) передано, между прочимъ, нѣсколько подробнѣстей объ отношеніяхъ Пушкина къ Аннѣ Петровнѣ Кернѣ. Печатая нынѣ разсказъ г-жи Марковой-Виноградской (Кернѣ), мы не позволили себѣ смягчить тотъ порывистый, полный неостынишаго увлеченія тонъ, которымъ звучитъ весь разсказъ; уже самъ по себѣ, помимо нѣкоторыхъ, хотя и мелкихъ, но небеззинтересныхъ подробнѣстей для обрисовки русскаго общества двадцатыхъ годовъ, самый этотъ тонъ разсказа нынѣ преклонныхъ лѣтъ представительницы тогдашняго общества весьма характеристиченъ.

Ред.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ГРАФА АРАКЧЕЕВА.

(Воспоминанія артиллеріи генераль-майора Ник. Григор. Сигунова).

I.

Приѣхавъ въ Петербургъ, по смерти Екатерины, императоръ Павель тотчасъ же вытребовалъ къ себѣ изъ Гатчины полковника Аракчеева. Аракчеевъ, получивъ приказаніе, немедленно прискакалъ въ Петербургъ, какъ былъ, въ одномъ мундирѣ, не взявши съ собою рѣшительно никакихъ вещей и даже теплой одежды. При Екатеринѣ, офицеры Гатчинскаго отряда никогда не допускались въ Зимній дворецъ, и потому, не зная расположения комнатъ, Аракчеевъ насилиу отыскалъ императора. Павель принялъ его очень милостиво, тотчасъ же произвелъ въ генералы и назначилъ комендантомъ; наследникъ же престола, Александръ Павловичъ, назначенъ Петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ. Павель поставилъ ихъ рядомъ, соединилъ ихъ руки и сказалъ: «Будьте друзьями и помогайте мнѣ». Съ этого момента началась дружба Аракчеева съ будущимъ императоромъ. Не имѣя при себѣ даже перемѣнъ бѣлья, Аракчеевъ на слѣдующій день обратился къ своему новому другу и объяснилъ ему неудобство своего положенія. Александръ прислая ему собственную рубашку, которую Аракчеевъ сохранилъ во всю свою жизнь, и чрезъ 38 лѣтъ былъ въ ней похороненъ, согласно его завѣщанію. По смерти Александра I она лежала на столѣ въ бывшемъ кабинетѣ императора, въ грузинскомъ домѣ графа Аракчеева, въ сафьяновомъ футляре, и золотая тисненая надпись сообщала о днѣ, въ который она была подарена графу, и завѣщаніе Аракчеева: быть въ ней похороненнымъ.